

И. В. Крюкова, В. И. Супрун

К ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ¹

From the generic point of view the names of rivers and lakes in the Don area can be subdivided onto etymologically transparent names and words of unknown origin. Turkic and Slavic names dominate. Other languages are represented in fewer hydronyms (Kalmuck, Iranian) or regarded as questionable (Finno-Ugric). The derivatives from the names of trees (Olhovka, Dubovka, Beryozovaya) are considered to be undoubtedly Russian, but one cannot rule out the possibility of copying the previously present Turkic or earlier names. We classify such hydronyms as Aksay, Yelan', Kumylga, Buzuluk under unquestionably Turkic ones.

The last discoveries of Volgograd archeologists allow us to enlarge our knowledge of the history of the hydronym Don up to the period of Indo-European Language Community, formed in the steppes of the south of Russia.

Названия рек и озер имеют большую ценность для изучения истории языка и прошлого народа. Это наиболее устойчивые знаки языка, которые почти не подвержены изменениям, часто сохраняются в одном и том же виде веками и даже тысячелетиями. Как определяет Е. Л. Березович, река является организатором пространственных связей региона, с ней связана объективированная система ориентации, заданная естественной ориентированностью самого объекта [см.: Березович, 1999, 23].

С точки зрения происхождения гидронимы Обдонья (на Дону обычно употребляется такое наименование территории вдоль реки) подразделяются на этимологически прозрачные имена и слова неясного происхождения. При этом следует учитывать, что этимологическая прозрачность названий рек достаточно условна. Поиски в старинных документах первых форм фиксации гидронимов, углубленный лингвистический анализ названий могут опровергнуть кажущуюся понятной этимологию слова, позволят

¹ Попытка комплексного этимологического анализа этого материала уже была предпринята авторами ранее [см.: Крюкова, Супрун, 2002]; в настоящей статье некоторые положения уточнены, предложены новые этимологические решения.

обнаружить древнюю мотивировку неясных ныне слов. Как справедливо отмечает А. И. Яценко, ложная этимология может жить века, оставаясь чуть ли не единственной, пока не установлена настоящая [см.: Яценко, 1968, 257].

При постоянно сменяющемся национальном составе населения в изучаемом регионе гидронимы могли изменяться до неузнаваемости, регулярно происходило калькирование (перевод) названий с одного языка на другой. Так, вполне возможно, что некоторые *Песчанки* и *Песковатки* являются кальками тюркского гидронима *Кумылга*. Порой такие преобразования касались не всего имени, а только его части, в результате чего в настоящее время существуют гидронимы, в которых часть названия поддается этимологической расшифровке, а вторая вызывает затруднения при истолковании.

Если установлено, например, что в славянской гидронимии весьма редки бессуффиксальные наименования, то следует задуматься об истории речных имен *Медведица*, *Рысь*, *Лось* и др., не вписывающихся в типичную картину. Эту мысль еще в 1958 г. высказал В. А. Никонов, у которого на IV Международном съезде славистов возник «жаркий спор» по поводу этимологии гидронима *Коза* с М. Фасмером [см.: Никонов, 1962, 21]. Со свойственным ему запалом известный русский ономастолог говорил о невозможности происхождения бессуффиксальных названий рек типа *Баран*, *Сосна* от славянских основ: «Только глухой к языку не слышит этого решающего различия. А при такой глухоте нечего делать в топонимике» [Там же, 33].

Другой пример: поскольку в системе русской гидронимии необычно название *Голубая*, можно предположить, что это слово возникло в предшествующих языках, а потом было либо калькировано, либо приспособлено по звучанию.

Следует учитывать данные диалектологии. Так, название *Вязовка* в нашем регионе предпочтительнее относить к образованиям от глагола *вязнуть*, чем к гидронимам с флористической основой, поскольку в местных диалектах дерево вяз обычно называется *карагач*, *караич* и пр. (подробнее см. далее).

З. В. Рубцова отмечала, что донской гидронимии свойственна тюркско-славянская чересполосица [см.: Рубцова, 1977, 217]. Другие языки представлены незначительно (калмыцкий, иранские) или лишь предположительно (финно-угорские). Бесспорно русскими являются гидронимы, образованные от названий деревьев (*Ольховка*, *Дубовка*, *Берёзовая*), но здесь нельзя исключить калькирования некоторых из них с предшествующих тюркских или еще более ранних. К бесспорно тюркским относятся названия *Акса́й*, *Ела́нь*, *Кумылга*, *Бузулук*.

Изучение топонимии Волгоградской области, в том числе и Обдونها, было начато доцентом Волгоградского государственного педагогического института (ныне университета) И. Г. Долгачевым. Его книга «Язык земли родного края», выдержавшая в 80-е гг. два издания, в увлекательной форме повествует о происхождении местных географических названий [см.: Долгачев, 1985; 1989]. При анализе гидронимов, прежде всего этимологическом, большое значение имеют исследования в области имен собственных В. Ф. Барашкова, Э. М. Мурзаева и других отечественных и зарубежных авторов.

Рассмотрим подробнее происхождение некоторых гидронимов. Естественно начать анализ с наименования главной реки региона, вокруг которой строится вся экономическая и социокультурная жизнь, к которой тяготеет вся топонимическая система, по которой местные жители названы *донцами*, *донскими казаками*.

Дон стал одной из первых русских рек, известных уже древним грекам и римлянам. Его название *Танаис* (Τάναϊς) упоминается в V в. до н. э. в трудах отца истории

Геродота, а на рубеже эр о нем пишет Страбон в своей «Географии» [см.: Фасмер, 1, 528]. На средневековых картах это название сохраняется до XVII в. (иногда в форме *Tānai*, *Tanai*). А. И. Соболевский определяет первичное значение этого гидронима как «река-овца» [см.: Соболевский, 1926, 10], «овечья река» [см.: Соболевский, 1924]. З. В. Суганова находит продолжение этого гидронима в тюркской кальке *Койсуз* < *koj/kojун* 'овца' + *суз/су* 'река' [см.: Суганова, 1966, 144]. З. В. Рубцова относит это название к числу архаичных номенклатурных типов тюркского происхождения [см.: Рубцова, 1967, 13].

Вряд ли справедливо предположение польского ученого Т. Лер-Сплавинского о фракийском происхождении наименования реки: племена фракийцев обитали в древности на северо-востоке Балканского полуострова и северо-западе Малой Азии, что достаточно далеко от Дона [см.: Нерознак, 1990, 561].

В 1595 г. на Новой карте всей Европы И. Гондиуса указано, что русские называют Танаис *святым Доном* («sanctum Donum vocant») [см.: Библиотека, 1836, 28]. В последующем это название широко используется в европейской картографии. На карте Гесселя Герарда, изданной в Амстердаме в 1614 г., указывается: «Tanais nunc Don flu<vius> terminus inter Europam et Asiam» [см.: Tabula, 1889].

Этимология гидронима была установлена достаточно рано. Уже А. Х. Востоков в 1812 г. указывает на связь названия Дона с другими речными именами, содержащими звукосочетание *дн-* [см.: Никонов, 1966, 127]. Практически все специалисты относят этот гидроним к иранским языкам и связывают с осетинским словом *дон* 'вода' [см.: Thomas, 1886, 30; Маштаков, 1939, 447], с названиями рек *Ардон*, *Садон*, *Гизельдон*, *Доном* в современной Осетии [см.: Egli, 1872, 154; 1970, 154]. В ряде работ приводится сопоставление с гидронимами *Днепр*, *Днестр*, *Дунай*; тем самым название *Дон* выводится не только из аланского языка (предшественника осетинского), но и из более древнего периода развития иранских языков – сарматского и скифского. По свидетельству историков, потомки ираноязычных скифских народов когда-то обитали в междуречье Волги и Дона, но потом переселились на Северный Кавказ.

Недавнее открытие волгоградскими археологами во главе с проф. А. С. Скрипкиным в малой излучине Дона у станицы Трехостровской величественного святилища огнепоклонников [см.: Скрипкин и др., 1998], относимого к периоду поздней бронзы (XIV–XIII вв. до н. э.), позволяет углубить историю гидронима до периода индоиранской языковой общности, сложившейся в южнорусских степях [см.: Хелимский, 1990, 189]. К этому времени, вероятно, следует отнести и первое зафиксированное название Волги *Ра*, которое можно соотнести с санскр. *ramh* 'течь', *raya* 'поток', *rasa* 'жидкость, влага' и др. [см.: Кочергина, 1987, 534, 539, 540]. Оно впервые упомянуто в «Географии» александрийского ученого Клавдия Птолемея (II в. до н. э.) [см. об этом: Ковалевский, 1953, 33]. На изданной в Базеле в 1550 г. карте С. Мюнстера отмечено: «Rha fluv[ius], secundum Ptolemaemum, secundum Rhuthenos vero Volga & secundum Tartaros Edel» [Кордт, 1899, 1, X].

Скорее всего, название *Дон* было дано в низовьях, а в верховьях, занятых славянами, у реки было иное имя, впоследствии позабытое. В говорах донских казаков название главной реки сопровождается эпитетом *тихий*. Благодаря роману М. А. Шолохова словосочетание *Тихий Дон* стало известно всему миру. Между тем течение реки вряд ли можно охарактеризовать как спокойное: вода бежит быстро, основательно сносит пловца или лодку, постоянно подмывает берег.

Возможно, этот эпитет отражает прежнее славянское название реки. После того, как восточные славяне спустились по Дону и вступили в контакт с ясами (аланами), они заимствовали у них сохранившийся с индоиранских времен гидроним, а свое старое наименование стали использовать в качестве эпитета, а также как название донских притоков: одна *Тишанка*, имеющая приток *Сухую Тишанку*, впадает в Дон в Иловлинском районе, другая является притоком Иловли и протекает через одноименное село. Этот гидроним широко распространен в разных регионах России. Многие маленькие пересыхающие речки с медленным, спокойным течением носят такое наименование. В верховьях Дон спокойно протекает среди невысоких отрогов Среднерусской возвышенности.

Е. С. Отин считает, что первоначально словосочетание *Тихий Дон* прилагалось к среднему участку реки, мелководному и малопригодному для судоходства, который назывался также *Мёртвым Доном* [см.: Отин, 1999, 230].

В фольклорных текстах Дон именуется *Ивановичем (Иванычем)* и *батюшкой*. Последнее дополнение возникло, вероятно, в результате сопоставления с *Волгой-матушкой*, а первое образовано от гидронима *Иван-озеро*, из которого в прошлом река имела исток. Формула уважительного именованья реки по отчеству восходит к традициям олицетворения водной магистрали, обращения к ней как к кормилице и поилице (ср. *Днепр Словутич/Слаутич*).

Многие из притоков Дона имеют названия, уходящие своими корнями в давние времена, отражающие контакты между разными народами, живущими на их берегах. К числу таких гидронимов относится *Хопёр*. А. И. Соболевский считает, что это слово также иранского происхождения, он возводит его к корням *hi* 'хорошо' и *рнрна* 'полный' [см.: Фасмер, 4, 261]. М. Фасмер этимологию этого слова выводит из рус. *хопить* 'хватать, тащить, влечь' [Там же]. Писатель-краевед Б. Лащилин связывает название реки со словом *хонер* 'притон диких гусей', приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Он отмечает, что по реке действительно проходит один из маршрутов весеннего и осеннего перелетов диких гусей и уток [см.: Лащилин, 1968, 171].

Е. С. Отин предлагает иное объяснение: современная форма *Хопёр* своим происхождением обязана перестановке звуков (метатезе) в варианте *Похорь* (от корня *-пх-* 'толкать, быстро течь') [см.: Отин, 1973, 144–146]. Это название мы находим в «Хождении Пимена в Царьград в 1389 году», где повествуется, как во время своей поездки митрополит и его спутники миновали левые притоки Дона «и Бетюк-реку и Похорь-реку». Указание на данный вариант имеется также в одном из «Донских дел» 1646 г. Точку зрения Е. С. Отина разделяют некоторые ученые [см., например: Долгачев, 1989, 27]. Нельзя, однако, исключить обратного: метатеза произошла в самих этих записях, и при фиксации гидронима вместо исконного *Хопёр* появилось *Похорь*.

Неоднозначно решается вопрос и о происхождении названий небольших рек в бассейне Дона. Один из левых притоков Иловли именуется *Бердия*. Названия, образованные от корня **bьrd-*, широко распространены в зоне расселения славянских народов. Ф. Безлай отмечает 50 топонимов с этим корнем в Словении [см.: Bezlaj, 1956, 81]. О возникновении слова *бердо* 'возвышенность' путем развития семантики существительного *бердо* 'деталь ткацкого станка' упоминает вслед за Шютцем О. Н. Трубачев [см.: Фасмер, 1, 152]. На Украине есть река *Берда*, на которой стоит город *Бердянск*, этот же корень имеют топонимы *Бердичев*, *Берды*, очевидно, образованные от *бердо*

‘пропасть, обрыв’ [см.: Долгачев, 1989, 35]. В названии украинской реки предполагают первичным значение «текущая среди обрывистых берегов» [см.: Янко, 1973, 20].

Берега донской Бердии вряд ли можно назвать обрывистыми, поэтому можно предположить перенос названия. Впрочем, возможна контаминация славянского и иноязычного корней, поскольку финаль *-ия* не находит убедительного объяснения на славянском материале. Предположения И. Г. Долгачева [см.: Долгачев, 1989, 38] и других исследователей о тюркском происхождении гидронима не подтверждаются языковыми данными.

Древние корни этимологи усматривают и в наименованиях, которые на первый взгляд кажутся понятными. Один из левых притоков Чира носит название *Добрая*. Гидронимы и топонимы, образованные от **dobr-* ‘очень хороший, отличный’, широко распространены на всей территории России, Украины и Белоруссии (*Добринка, Добровка, Добрянка, Добрятино* и пр.). Есть *Добринка* и в бассейне Дона – это левый приток Медведицы. Аналогичные названия встречаются и в других славянских регионах, например, река в Польше *Dobryca* [см.: Hrabec, 1959, 57].

Обратим, однако, внимание на то, что все эти названия имеют суффиксы. Ф. Безлай обнаружил в Словении речку с названием *Добра*, первая фиксация этого гидронима относится к 1213 г., однако он полагает, что здесь имеет место народная этимология более древнего названия *dъbrь*, которое первоначально обозначало ‘овраг, лощина, промоина’ [см.: Bezlaj, 1956, 137; ср.: Фасмер, 1, 490]. Вероятно, и в нашем случае произошло какое-то переосмысление древнего названия (возможен перенос гидронима с другой территории), а также могли быть осуществлены перевод или приспособление дославянского наименования. Согласно народной этимологии, речка получила такое наименование, потому что была «доброй», богатой рыбой, протекала сквозь леса и луга, в которых водилось много дичи; по другой версии название было дано из-за «доброего, спокойного нрава» [см.: Долгачев, 1989].

Левый приток Хопра *Едовля* имеет название славянского происхождения: по мнению местных жителей, оно образовано от слова *еда*, поскольку в прошлом река была богата рыбой [Там же, 34]. Местные жители называют речку *Ядовля* и связывают этот гидроним с диалектным *яда*. Однако во многих источниках наименование реки дается в форме *Ендовля* [см.: Маштаков, 1934, 18; Справочник по водным ресурсам, 1936, 186]. В этом случае уместнее предположить, что название того же происхождения, что и у находящихся поблизости озер *Ендово*, т. е. «речка, распадающаяся на озерца, ямки» (ср. *ендова* ‘котловина, небольшое округлое и крутоберегое озерко или ямина, провал’ [Даль, 1, 519], при этом географический термин связан по происхождению со словом *ендова* ‘сосуд для питья’ [Фасмер, 2, 19–20]).

К русским по происхождению относятся гидронимы, отражающие типичную растительность на берегах рек. Шесть рек в бассейне Дона на территории Волгоградской области именуется *Березовая*: левый приток Медведицы, левый приток Терсы, приток Иловли, левый приток Хопра, левый приток Крепкой, приток Царицы. Некоторые из этих рек и балок называются также *Березовка*, что находит отражение и на картах.

В ономастической литературе существует этимологическая версия, что гидронимы *Березовая, Березовка, Березайка, Березина* восходили изначально к балто-славянскому *бързь* ‘быстрый поток’ и лишь впоследствии стали восприниматься как мотивированные словом *берёза* [см.: Мурзаев, 1995, 19], но она может быть справедливой по отношению к древним гидронимам, находящимся в местах возникновения и формирования

славянских племен, тогда как указанные притоки находятся на территории позднего заселения русскими.

Это наименование нередко входит в систему ботанических гидронимов, группирующихся вокруг одной реки (например, притоками Царицы являются также *Вязовая*, *Дубовая*, *Липовая*). Отметим, что название *Дубовая* в бассейне Дона на территории области встретилось шесть раз: помимо указанного левого притока Царицы, так называется также правый приток Арчеды, правый приток Чира, правый приток Щелкана, правый приток Мышковы и правый приток Дона у хут. Кумовки (Кумовского) Суровикинского района.

Правый приток Медведицы в Даниловском районе носит наименование *Лубянка*, которое, возможно, того же происхождения, что и название известной московской улицы, возникшей на месте одноименного урочища. По мнению московских краеведов, в этом наименовании отразилось переселение в Москву новгородцев в XV в. (они перенесли с собой несколько видоизмененное название улицы *Лубяницы*) или псковичей в начале XVI в. (в их диалекте слово *лубок* означает 'лукошко') [Имена московских улиц, 241]. Название донского притока может указывать, что на реке росли деревья, с которых драли *луб*, *лубок* 'кусочек коры некоторых лиственных деревьев вместе с волокнистой внутренней частью' [Ожегов, 333], идущий «на кровли (под тес), на мочала, а с молодых лип на лыко» [Даль, 2, 270]. В. И. Даль отмечает, что это слово в разных русских диалектах обозначало также шалаш, балаган из луба (нижней части коры), лоток, желоб из него же, берестовую табакерку и др. [Там же].

Близкое значение имеет название левого притока Медведицы *Лычака*, которое, возможно, связано с *лыко*. В словаре В. И. Даля отмечены лексемы *лычаки* 'лыковые, мочальные лапти' и *лычага* 'веревка, свитая из лыка, мочала' [Там же, 276]. Многие местные жители подтверждают, что здесь «промышляли лыком»: драли кору деревьев, вымачивали ее в реке и получали готовое сырье – «лыки», которое шло на мочалы, рогажи, кули, веревки [см.: Долгачев, 1989, 33].

Большинство исследователей (И. Г. Долгачев, Б. Лащилин и др.) связывают название Вязовки, левого притока Терсы, с вязами. Однако вязы по берегам Вязовки никогда не росли. Кроме того, в Еланском районе эту породу деревьев называют *караушником*. Название реки скорее всего происходит от *вязнуть*, *вязь* 'болото, топкое место'. Мелкие родники по берегам реки действительно образуют топкие места, что затрудняет подход к воде. Реки с аналогичным или сходным названием (*Вязноватовка*, *Вязунка*, *Вяземка*, *Вязинка* и т. п.) широко распространены в России (в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и других областях) и на Украине. Подобное значение имеют и другие топонимы и гидронимы нашей области (*Вязенка*, *Вязное*, *Завязка*).

О забытых традициях и обычаях народов, обитавших на Дону и его притоках, напоминают некоторые гидронимы тюркоязычного происхождения. Их достаточно много, каждый имеет свою историю и последующую судьбу в русском языке. Левый приток Терсы носит название *Елань*. М. Н. Морозова возводит гидроним к тюркскому *elan* 'угорь, вьюн', полагая, что река названа по виду рыбы (см.: Морозова, 1965, 200); ср. турецкое *yilan baligi* [Щербинин, 1989, 165]). Угорь в Елани не водится, а вьюн не относится к промысловым, поэтому вряд ли его название могло стать основой гидронима.

По свидетельству В. И. Даля, слова *алань*, *елань*, *ялань* обозначают 'ровное, потное, но не поемное травное место' [Даль, 1, 10]. В тюркских языках употребляется

многозначное слово *алан* со вторичным начальным *й-/ж-* ‘ровная, открытая и обширная местность’, ‘поле, долина, равнина’, ‘горизонт’, ‘высоты по берегам рек с извилистым течением’ и др. [см.: Севортьян, 1974, 134–135]. Отметим, что территория между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны именовалась русскими *Диким полем* [БЭС, 357], что может быть связано с указанным тюркским топографическим термином.

Обычно гидроним *Аксай* связывают по происхождению с тюркским *аксу* ‘белая вода’ [см.: Брыкалин, 1995, 53], однако функционирование на некоторых территориях проживания народов тюркской языковой группы гидронима *Аксу* по соседству с *Аксай* заставляет усомниться в достоверности этой этимологии. Именно своеобразное противопоставление двух названий позволяет высказать предположение, что элемент *-сай* в названии реки восходит к тюркскому (среднеазиатскому) *сай* ‘овраг, сухое русло, временная река, пересыхающий водоток’ [см.: Мурзаев, 1974, 103, 111, 213]. Следовательно, название *Аксай* было дано реке в пересыхающих верховьях, а затем распространилось на все течение.

Можно также соотнести второй элемент гидронима с употребляющимся в языках огузо-сельджукской подгруппы (турецком, азербайджанском) словом *чай* ‘небольшая река’ [Щербинин, 1989, 500]. В ногайском языке звук *ч* отсутствует [см.: Баскаков, 1966, 282], слово произносилось *сай*, как и в ряде среднеазиатских тюркских языков. В этом случае название главной реки (т. е. Дона) противопоставлялось притокам, побочным речкам.

Что касается первого элемента в гидрониме, то существует обширная литература о значении элемента *ак-* в тюркских гидронимах. Г. Н. Конкашпаев считает, что эти названия характерны для рек с мутной водой, имеющих сильное размывающее течение, тогда как реки с наименованием *Карасу* имеют либо слабое течение, либо вовсе не имеют его, питаются грунтовыми водами, вода в них прозрачна [см.: Конкашпаев, 1969, 75, 77]. Е. Койчубаев полагает, что компонент *ак-* свидетельствует об обилии воды в реке, а *кара-* происходит от монг. *хара* ‘простой, обыкновенный’ [см.: Койчубаев, 1965, 184, 186]. А. Н. Кононов выдвигает предположение, что *аксу* в древних тюркских языках обозначает ‘текущая вода’ в отличие от *карасу* ‘земляная вода, т. е. вытекающая из родника’ [цит. по: Мурзаев, 1974, 225]. Как бы там ни было, в начальном элементе гидронима *Аксай* мы имеем дополнительную характеристику, отличающую это название от других названий рек, прежде всего с тюркским словом *кара* или с калькированным наименованием *Черная. Аксай*, вероятно, обозначает «побочная (неглавная) степная речка с мутной, белесой водой».

На территории области две соседние реки носят наименование *Аксай* (есть еще третья, расположенная южнее, в Ростовской области). Для их различения употребляются уточняющие прилагательные, образованные от топонимов. У первого гидронима в название дополнительно входит определение *Есауловский*, образованное от наименования станицы, находившейся неподалеку от устья реки. Топоним указывает, что в этом населенном пункте проживает казачий чин, «первый после атамана». Слово *есаул* заимствовано из чагат., тур. *jasaul* ‘распорядитель, исполнитель повелений’ [Фасмер, 2, 27–28].

Второй донской приток поименован *Курмоярским Аксаем*. Уточняющее определение образовано от названий станиц *Верхнекурмоярская* и *Нижнекурмоярская*, находившихся ранее рядом с местом впадения реки в Дон. Впервые эти топонимы

фиксируются в походном журнале 1-го Азовского похода Петра I (1695) в формах *Курман Яр*, *Нижний Курман Яр* [Походный журнал, 1910, 19].

Эти наименования восходят к тюркским корням. Первую часть топонима можно связать со словами *курман*, *курманлык* ‘жертва, жертвоприношение’ (ср., например, карачаево-балкарское *кърман*, *кърманлыкъ* [КБРС, 424–425]). Слово *яр* в XVII в. было заимствовано русским языком из тюркских, ср. тур. *yar* ‘пропасть’, ‘бездна’, ‘круча’, кирг. *жар* ‘обрыв, крутой берег’ и др. [Черных, 2, 471]; в русском языке стало широко употребляться как топонимический термин (*Красный Яр*, *Черный Яр*, *Капустин Яр* и мн. др.).

Таким образом, в районе протекания Аксая Курмоярского существовала местность, названная тюрками *Курман Яр* – «овраг жертвоприношений; круча, где осуществляют жертвоприношения». Русские, придя на эту территорию, заимствовали топоним, причем вторая часть (*яр*) была им уже известна. От названия оврага, крутого берега получили свое наименование две казачьи станицы. С течением времени словосочетание *Курман Яр* преобразовалось в русских топонимах в *Курмояр(ская)*. Для разграничения протекающей здесь реки *Аксай* и других одноименных топообъектов было использовано уточняющее определение *Курмоярский*, которое может стоять перед исходным гидронимом или после него.

Вероятно, тюркского происхождения гидроним *Арчеда/Арчада*, левый приток Медведицы, упоминающийся еще в Книге Большому чертежу (1627): «А ниже Кармыши пала в Медведицу река Арчеда, протоку Арчеды 130 верст...» [КБЧ, 85]. По предположению Б. Лащилина, это название связано с именем татарского князя Арчака, однако названия рек, образованные от личных имен, – редкое явление в гидронимии. В. И. Даль объясняет слово *арчак* как ‘деревянный остов седла’ и отмечает, что казаки были искусными *арчажниками* [Даль, 1, 25–26]. Но здесь возникают определенные фонетические и словообразовательные трудности, не позволяющие принять такую этимологию. Более вероятно, что название реки соотносится с употребляющимся в тюркских и монгольских языках словом *арча* ‘можежельник, сосна, тальник’ [Севортян, 1974, 182–183], т. е. в этом случае мы имеем сохранившееся без перевода название типа *Сосновки* или *Таловки*.

Нет однозначной этимологической интерпретации у названия *Бузулук* (приток Хопра). Гидроним упоминается в документах 60–70-х гг. XVII в.: например, в документах атамана Ф. Севастьянова, которые хранились в Посольском приказе. Обычно считается, что это тюркское название, означающее «телячий». Б. А. Моисеев отмечает, что до XVI в. турки не занимались скотоводством, поэтому в их языке слово *бузау* обозначало детенышей не только коров, но и оленей, поэтому гидроним имел, видимо, значение «река оленят» [см.: Моисеев, 1971, 182]. На гербе города Бузулук Оренбургской области, где протекает река с таким же названием, изображен олень.

Другая этимология связывает гидроним с общетюркским словом *бозау* ‘околица, окраина’. Б. Лащилин свидетельствует: «Когда-то в прошлом река в своем верхнем течении была пределом кочевья татар, далее которого они не решались продвигаться на запад, отсюда и название» [Лащилин, 1968, 170]. А у Э. и В. Мурзаевых в «Словаре местных географических терминов» приводятся слова *боз*, *буз* ‘лед’, *бозлык* ‘ледник’, что заставляет предположить исходное значение названия *Бузулук* «ледяная, холодная вода» [Мурзаевы, 1959, 43].

Сходное звучание, но иную этимологию имеет левый приток Медведицы – *Бурлук*. Это название отмечается в писцовых книгах с 1622 г. Река *Большой Бурлук* есть около Харькова [см.: Минх, 1898, 103]. Тюрколог Ф. Е. Корш связывал гидроним со словом *burlug* ‘воровство’, но приводящий эту этимологию в своем словаре А. Н. Минх сомневался в ней и высказывал предположение, что название образовано от тюркского слова *бур* ‘мел’, поскольку река протекает по меловым отложениям. Не исключено также, что гидроним образован от тюрк. *bur-* ‘сверлить’ (отраженного, возможно, в рус. *бурав* [Фасмер, 1, 242–243]).

О сложных процессах взаимодействия разных языков в гидронимии Обдونها свидетельствуют такие красивые, но не вписывающиеся в систему наименования, как, например, *Голубая*. Этот правый приток Дона упоминается в Книге Большому чертежу: «А ниже речки Паншиной, с правой стороны Дону, 50 верст, пали в Дон 2 речки, обе Голубые, протоку тех речек 50 верст» [КБЧ, 85]. Гидроним фиксируется на картах И. Массы 1633 и 1663 гг. (как левый приток) [Кордт, 1899, XX, XXIX; 1910, XLIV].

На первый взгляд название указывает на особенности цвета воды, но для славян это не очень типично, хотя такой же гидроним встречается в бассейне Днепра [см.: Топоров, Трубачев, 1969, 140, 145; Яшкін, 1971, 128]. Наименования с подобной семантикой характерны для восточных стран: речка Алатау *Кук-Су*, озеро *Куку-Ноор*, река в Пенджабе *Нилаб*, озеро в Гималаях *Нилнаг* содержат в первой части гидронима слово со значением ‘голубой’. Е. Койчубаев определяет значение тюрк. *көк*- как ‘небесный’ [см.: Койчубаев, 1965, 187]. Возможно, русское название является неточным переводом предшествующего тюркского гидронима. В этом случае элемент *көк*- мог обозначать не только ‘голубой’, но и ‘зеленый’. В. Н. Попова полагает, что в данном случае речь идет о травянистой реке [см.: Попова, 1997, 47].

Когда-то по берегам рек Южного Обдونها кочевали калмыки, доходя временами до Даниловки (об этом вспоминает уроженец этой слободы, писатель XIX в. Д. Л. Мордовцев) и даже до Поворина, если считать, что приток Калмычок назван по народу, побывавшему на нем. Но постепенно калмыцкие названия были забыты, заменены русскими или тюркскими (скорее всего тюркские гидронимы предшествовали калмыцким, а затем были восстановлены).

На карте Астраханской губернии упоминается дополнительное название Донской Царицы *Бургуджа*. Этот же гидроним в форме *Бургушта* упоминается также в очерке Н. Барбота-де-Марни [см.: Барбот-де-Марни, 1862, 27]. Происходит он из калмыцкого языка, ср.: *бурхух* ‘буравить, сверлить, бурить’, *бурхсна* ‘верба’ [КРС, 120]. Предпочтительнее вторая версия, так как она более достоверна с деривационной точки зрения. Укажем, что академик П. С. Паллас упоминает о речке Бургун-Шира в бассейне Сарпы (Сарпинских озер) и переводит ее название с калмыцкого как «ивовая долина» [см.: Паллас, 1788, 191]. Названия с финалью *-хта/-ста* имеют и другие гидронимы калмыцкого происхождения: *Булухта* ‘родниковая’ [см.: Очир-Гаряев, 1983, 19], *Ласта* ‘тополевая’ [см.: Борисенко, 1983, 38; ср.: Паллас, 1788, 191] и др.

Барбот-де-Марни Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (с геологическою картою) // Записки Имп. Рус. геогр. об-ва. Кн. 3, отд. 2. СПб., 1862. С. 1–128.

- Баскаков Н. А.* Ногайский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 280–300.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1-е. Т. 1. СПб.: Тип. III отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836.
- Борисенко И. В.* Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 35–51.
- Брыкалин В. Е.* Топонимический словарь Котельниковского района // Ономастика Поволжья: Материалы VII конференции поволжских ономастологов. Волгоград, 1995. С. 52–53.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2000.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978.
- Долгачев И. Г.* Язык земли родного края. Волгоград, 1985.
- Долгачев И. Г.* Язык земли родного края. Волгоград, 1989.
- Имена московских улиц / Под общ. ред. А. М. Пегова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975.
- КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
- КБЧ – Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
- Ковалевский С. А.* «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. Вып. 1. М., 1953. С. 31–48.
- Койчубаев Е.* Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак-, кара-, кёк-, сары-* // Всесоюз. конф. по топонимике СССР: Тез. докл. и сообщ. Л., 1965. С. 184–187.
- Конкашпаев Г. К.* Цветовые слова в тюркских топонимах // Географические науки. Алма-Ата, 1969. С. 72–83.
- Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Киев, 1899; Вып. 2. Киев, 1910.
- Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1987.
- КРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977.
- Крюкова И. В., Супрун В. И.* Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград, 2002.
- Лащилин Б.* На родных просторах. Волгоград, 1968.
- Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
- Маштаков П. Л.* Топонимика – «язык земли» // Изв. Гос. геогр. об-ва. Т. 71, №3. М.; Л., 1939. С. 446–447.
- Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 1. Литеры А–Г. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов, 1898.
- Моисеев Б. А.* Тюркские названия Оренбургской области // Питання гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 177–182.
- Морозова М. Н.* Гидронимия Тамбовской области // Питання ономастики: Матеріали II Респ. наради з питань ономастики. Київ, 1965. С. 198–204.
- Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М., 1974.
- Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М., 1995.
- Мурзаевы Э. и В.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.
- Нерознак В. П.* Фракийский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М., 1962. С. 17–33.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 32-е изд., стер. М., 1990.
- Отин Е. С.* Хопёр // Русская речь. 1973. №1. С. 144–146.
- Отин Е. С.* Избр. тр. по языкознанию. Т. 2. Донецк, 1999.
- Очир-Гаряев В. Э.* Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 3–34.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, пол. 2, 1772 и 1773 гг. / Перевел В. Зуев. СПб., 1788.
- Попова В. Н.* Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана (сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алматы, 1997.
- Походный журнал 1695 года. 2-е изд. СПб., 1910.

- Рубцова З. В.* Географические термины Подонья в их отношении к донской топонимии // Топонимика: Материалы Моск. филиала Геогр. об-ва СССР. Вып. 2. М., 1967. С. 12–14.
- Рубцова З. В.* Из истории донской топонимии // Историческая ономастика. М., 1977. С. 217–250.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- Скрипкин А. С.* и др. Предварительные итоги археологических исследований в волгоградском Задонье в 1997 г. // Нижневолжский археол. вестник. Волгоград, 1998. Вып. 1. С. 125–128.
- Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. Т. 27. Л., 1924.
- Соболевский А. И.* Несколько местных названий Воронежского края // Изв. Воронежского краеведческого общества. Воронеж, 1926. С. 10–11.
- Справочник по водным ресурсам СССР. Т. 6. Донской район / Под общ. ред. Л. К. Давыдова; Под ред. Н. В. Смирнова. М.; Л., 1936.
- Суганова З. В.* Из наблюдений над топонимией Дона // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М., 1966. С. 141–144.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.
- Хелимский Е. А.* Индоиранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 189–190.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
- Щербинин В. Г.* Русско-турецкий словарь. М., 1989.
- Янко М. Т.* Топонімічний словник-довідник Української РСР. Київ, 1973.
- Яшкін І. Я.* Гідроніми і мікрагідроніми Слаўгародчыны // Питання гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 125–130.
- Яценко А. И.* К этимологии некоторых гидронимов Курской области с начальным *о-* (*об-*) // Теория и методика преподавания русского языка: Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 293. Л., 1968. С. 256–263.
- Bezlej F.* Slovenska vodna imena. I diel (A–L). Ljubljana, 1956.
- Egli J. J.* Nomina Geographica: Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig, 1872.
- Egli J. J.* Etymologisch-geographisches Lexikon. Unveraenderter Neudruck der Ausgabe von 1880 Wiesbaden: M. Saendig, 1970.
- Hrabec St.* Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1959.
- Tabula Russiae ex authographo, quod delineandun curavit Feodor filius Tzaris Boris desumta... ac. Magno Domino, Tsari et Magno Duci Michdeli Feodrowits... dedicate ab Hesselio Gerardo. MDCXIII. Amstelodami, excusum apud. Hesselum Gerard sub signo Tabulae Nauticae // Изв. Императорского геогр. об-ва. Т. 25, вып. 1. СПб., 1889.
- Thomas A.* Etymologisches Wörterbuch geografischer Namen, namentlich solcher aus dem Bereiche der Schulgeographie. Breslau, 1886.

* * *

Ирина Васильевна Крюкова – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

Василий Иванович Супрун – доктор филологических наук, профессор, ректор Волгоградского государственного университета повышения квалификации работников образования.